

18+ История, в которой  
каждый узнает себя

The background of the cover is a vertical painting. It depicts a young girl with short, dark, wavy hair and bangs. She has large, expressive brown eyes and a gentle, slightly melancholic expression. She is wearing a dark blue, short-sleeved shirt. Perched on her right shoulder is a black crow, looking forward. The scene is set in the rain, with numerous vertical white lines representing raindrops falling across the entire image. The background colors are a mix of dark blues, greys, and warm, muted oranges and yellows, suggesting a sunset or sunrise behind the rain.

ПУТЬ  
БЕЛОЙ ВОРОНЫ

*из тьмы к своему свету*

Aurea Luma

**Aurea Luma**  
**Путь белой вороны**

*<https://litres.ru/74149379>  
ISBN 9785007001915*

**Аннотация**

Ее не ждали.

Ее не любили.

Ее пытались сломать.

Но однажды она решила выйти из круга.

Ради себя.

Ради ребенка.

Это история о выживании, о материнстве и о силе, которая рождается в темноте.

О том, как даже в самой темной комнате можно найти свет.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 21 |
| Глава 3                           | 31 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 35 |

# Путь белой вороны

**Aurea Luma**

© Aurea Luma, 2026

ISBN 978-5-0070-0191-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Глава 1

Девочка, которую не ждали

Её звали Мира.

Иногда это чувствуется раньше, чем понимается:  
ты пришёл туда, где для тебя не приготовили места.

Не стул.

Не объятия.

Даже не угол.

Просто пустоту,  
в которой тебе предстоит как-то существовать.

Мира родилась именно так.

Её не встретили радостью.

Её приняли как факт.

Как лишний звук в доме,  
где и без того было слишком много шума.

С самого начала её жизнь была ожиданием.

Ожиданием, которое поселяется в теле:  
в сжатых плечах,

во втянутом животе,  
в дыхании, которое никогда не бывает полным.

В этом доме тишина была опасной.  
Тишина означала, что что-то вот-вот случится.

Шаги.  
Скрип пола.  
Запах алкоголя, который входил раньше человека.

Мира научилась бояться раньше, чем говорить.

Её руки рано стали рабочими.  
Полы.  
Посуда.  
Младшие.  
Обязанности, которые не спрашивают возраст.

Иногда ночью отец возвращался пьяный.  
В комнате горел телевизор.  
На диване сидели мама, отец, младшие дети.  
Они ели что-то вкусное.  
Смеялись.

Миру поднимали с места.

— Подметай.

Она брала веник.

Пол был холодный.

Ночь липла к коже.

Каждое движение отдавалось в спине.

И тогда он сказал это.

Он не кричал.

Он смотрел прямо ей в глаза.

Пятилетней девочке.

— Ты рабыня нашей семьи.

Слова были сказаны спокойно,  
как констатация факта,  
как истина,

в которую он сам верил.

Потом он повернулся к младшим.

— Запомните, дети мои! —  
сказал он.

— Она вам не сестра.

— Она вам никто.

— Она рабыня этой семьи.

— Она вам не равная.

— Так что относитесь к ней  
как к служанке.

Он говорил  
и смотрел на Миру.

И учил этому  
младших Миры,  
своих детей,  
своих дочек.

Комната не остановилась.  
Телевизор продолжал говорить.  
Кто-то жевал.

Кто-то смеялся.

А Мира стояла с веником в руках  
и продолжала подметать.

Руки дрожали.  
Слёзы застилали глаза.  
Она подметала  
и ревела.

Если я не сестра...  
если я не равная...  
то кто я вообще?

Её прорвало.

Она разрыдалась —  
не тихо,  
не сдержанно,  
а так, как плачут дети,  
когда боль больше них самих.

Слёзы лились,

дыхание сбивалось,  
грудь сжимало так,  
будто сердце сейчас лопнет.

Она плакала,  
подметала  
и говорила сквозь всхлипы:

— За что?..  
— Что я вам сделала?..

Он не подошёл.  
Он не смягчился.

Он затыкал её.  
Грубо.  
Жёстко.  
Ужасными словами.

— Заткнись.  
— Хватит реветь.  
— Закрой рот.

Слова били сильнее руки.

Мира плакала и думала:

За что со мной так?

Я ведь ничего плохого не сделала.

Я всего лишь ребёнок.

Ей не нужна была любовь.

Ей не нужна была защита.

Ей хотелось самого малого:

Дайте мне просто жить.

Я не займу у вас много места.

С этого вечера она поняла:

в этом доме для неё

нет права быть.

Но в ней самой — было.

Она с рождения полюбила дождь.  
В нём можно было спрятать слёзы.  
Под дождём никто не спрашивал,  
почему лицо мокрое.

Это плакала не она.  
Это плакала её душа.

Когда страх становился невыносимым,  
она пряталась.

В углу стоял маленький стульчик с крышкой.  
Она открывалась, как у коробки.

Она залезала внутрь целиком.  
Сгибалась, прижимая колени к груди,  
становилась как можно меньше.

Если я стану совсем маленькой,  
меня не заметят.

Она очень любила жизнь.

Даже тогда.  
Особенно тогда.

Каждый день она видела,  
как отец бьёт мать.  
Как унижает её.  
Как приводит в дом  
чужих женщин  
и опасных людей.

Всех — к ним.  
Никогда — куда-то ещё.

Мире было страшно.  
Не громко.  
Глубоко.

Она не понимала,  
почему мать не уходит.  
Почему можно так любить —  
и так исчезать  
внутри этой любви.

Ночами Мира лежала без сна

и смотрела в потолок.

И думала:

Зачем вы живёте вместе,  
если ненавидите друг друга?  
Зачем терпите?

Ответов не было.

И в пять лет  
она дала себе обещание.  
Тихое.  
Навсегда.

Я никогда не выйду замуж.  
Если семья — это боль.  
Если любовь — это унижение.  
Мне это не нужно.

В этот момент  
девочка, которую не ждали,  
не сломалась.

Она начала жить.

Иногда он уезжал.  
И дом будто выдыхал.

А потом возвращался —  
и привозил подарки.

Две мягкие игрушки.  
Всегда две.

Мира прижимала их к груди так крепко,  
что у неё немели руки.  
Запах новой ткани был тёплым,  
не как дом —  
как обещание.

В эти минуты  
всё плохое исчезало.

На время.

Потом он подарил ей велосипед.  
Не просто бросил во двор —  
а научил кататься.

Вывел на улицу.  
Держал рядом.  
Говорил резко, но точно:

— Держи руль. Смотри вперёд.

Она ехала, шатаясь,  
и вдруг ловила равновесие.

В этом коротком «получилось»  
внутри неё вспыхивала мысль:

Наверное, он умеет быть другим.  
Наверное, он всё-таки любит.

Ещё раньше  
он учил её кататься на осле.  
Подсаживал.  
Показывал, как держаться.

Как не бояться.

Он делал это только с ней.  
Больше — ни с кем.

Как будто всё закончилось на ней.

Позже она поймёт:  
это было чувство вины.  
Его неловкая попытка  
загладить то,  
что загладить невозможно.

Иногда он водил её к стоматологу.  
Она не помнила —  
вырвали зуб  
или лечили.

Она помнила белый кабинет.  
Резкий запах.  
Холодный свет.

Он сидел рядом.

Спокойный.  
Вежливый.

Для чужих людей  
он был идеальным.

Заботливым отцом.  
Ответственным.  
Правильным.

Люди смотрели на него  
и, наверное, думали:  
какой хороший отец.

На обратном пути  
он посадил её себе на шею.

Высоко.  
Тепло.

Его руки держали её за ноги —  
крепко.

Мира видела мир сверху.  
Дорогу.  
Небо.

Люди улыбались.

Она держалась за его голову  
и думала:

Вот он настоящий.  
Значит, всё не зря.  
Если я буду тихой —  
он всегда будет таким.

Но чем ближе был дом,  
тем сильнее внутри  
сжималось что-то тёплое.

Она ещё не знала,  
что это чувство  
называется прощанием.

Потому что за дверью  
его лицо менялось.

И тот,  
кто нёс её на плечах,  
оставался снаружи.

А домой  
возвращался  
другой

## Глава 2

Дом без тишины

В этом доме не было тишины.  
Даже когда никто не говорил.

Тишина здесь означала ожидание.

Она натягивалась, как струна, и Мира чувствовала это телом —  
раньше, чем понимала головой.

Так живут те, кто всё время ждёт удара.

Шаги.

Сначала всегда шаги.

Тяжёлые.

Неровные.

Они били по полу и сразу — по позвоночнику.

Мира узнавала их безошибочно.

Плечи сжимались.

Живот уходил внутрь.

Дыхание становилось коротким, поверхностным.

Он идёт.

Она могла не видеть его —  
но тело уже готовилось.

Когда он был трезвым, в доме было тяжело.  
Когда пьяным — опасно.

Он не врывался.  
Он нависал.  
Как тень, от которой невозможно спрятаться.

— Иди сюда.

Эти слова не имели времени.  
После школы.  
Ночью.  
Утром.  
Без причины.

Мира шла.

Иногда он бил сразу.

Без слов.

Как будто делал то, что считал нужным.

Иногда сначала говорил.

И это было хуже.

Слова он выбирал грязные.

Липкие.

Такие, которые не смываются.

— Шлюха.

— Проститутка.

— Нагулянная.

— Ты не моя дочь.

Он говорил это каждый день.

С самого её рождения.

Не в ярости —

методично.

Он не наказывал.

Он стирал.

Когда он бил, Мира кричала:

— Мама, спаси!

Мать была рядом.

Часто — в той же комнате.

Но никогда — между.

Иногда мать била её сама.

Быстро.

Резко.

Как будто спешила —

чтобы отец не ударил сильнее.

Иногда — просто срывала злость.

Молча.

Без объяснений.

Когда бил отец,  
Мира кричала и ему:

— Папа, спаси...

Это было самым страшным.  
Звать на помощь того, кто разрушает.

Никто не приходил.

Её били ремнём.  
Кнутом.  
Палкой.  
Руками.

Тело Миры рано научилось терпеть.  
Кожа запоминала боль.  
Мышцы — напряжение.  
Душа — одиночество.

После школы он звал её в комнату.  
Закрывал дверь.  
И бил.

До посинения.  
До онемения.  
До пустоты.

Она плакала.  
Сначала.

Плакала и умоляла.  
Плакала и задыхалась.  
Плакала, пока слёзы не перестали выходить.

А потом...  
ей это надоело.

Это случилось не сразу.  
Не в один день.

Просто однажды внутри что-то щёлкнуло.

Когда он снова поднял руку,  
Мира опустилась на колени.

Медленно.

Опустила голову.  
Закрыла лицо ладонями.

И замолчала.

Ни звука.  
Ни слезы.  
Ни просьбы.

Пусть бьёт.  
Хоть убьёт.  
Я не сдамся.  
Я не отдам ему себя.

Это было её первое «нет».

Он бил.  
Сильнее.  
Дольше.

Но в ответ —  
тишина.

Он остановился.

Комната наполнилась густым, тяжёлым молчанием.  
Он смотрел на неё.  
Она чувствовала этот взгляд кожей, не поднимая головы.

Он испугался.

Впервые — не она.

С этого дня он почти перестал бить её руками.  
Он понял:  
её тело можно ломать,  
но её — нет.

Тогда он перешёл к словам.

Слова стали ежедневными.  
Точными.

Убивающими.

Он унижал её при всех.  
Смотрел прямо в лицо.  
Наслаждался.

Но внутри Миры уже жило что-то другое.

Тёплое.  
Упрямое.  
Неубиваемое.

Она любила младших.  
Всех.  
До последнего.

Если они проказничали — били её.  
Если плакали — звали её.  
Если было страшно — прятались за ней.

Она была за всех.  
И ни для кого.

Иногда ночью она лежала без сна.

Клала руку на грудь.

И чувствовала:

сердце бьётся.

Бьётся — значит, я жива.

И этого было достаточно,  
чтобы пережить ещё один день  
в доме без тишины.

Что бы ни случилось в мире,  
дома во всём всегда была виновата Мира.

## Глава 3

В доме было одно место, где Мира могла исчезнуть.

Не по-настоящему.

Но достаточно, чтобы выжить.

Иногда этого было достаточно.

В углу стоял маленький стульчик.

Невзрачный.

Деревянный.

С крышкой, которая открывалась вверх — как у коробки.

Никто не считал его укрытием.

Никто, кроме неё.

Когда страх накатывал внезапно —

а он всегда приходил внезапно, —

Мира знала, куда идти.

Она не бежала.  
Она скользила.  
Тихо.  
Незаметно.

Открывала крышку.  
Залезала внутрь.

Её тело было маленьким.  
Гибким.  
Она умела складываться —  
колени к груди,  
голова вниз,  
дыхание едва слышное.

Крышка закрывалась.

Темнота.

Внутри пахло деревом.  
Пылью.  
Чем-то старым и безопасным.

Тем, что не причиняет боли.

Там её не было видно.

Если меня не видно, — думала она, —  
значит, меня нет.

Она сидела внутри и слушала.

Шаги.

Голоса.

Резкие слова.

Иногда — удары.

Каждый звук проходил через тело  
как электрический ток.

Но внутри коробки  
страх становился меньше.

Не исчезал.

Но отступал.

Хотя бы немного.

Там она дышала.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.